

РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

С.М. КИРОВ

СТАЛИН. ОЧИЩЕНИЕ
ОТ «ПИТЕРСКИХ»

Сергей Миронович Киров Сталин. Очищение от «питерских» Серия «Рядом со Сталиным»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5014074
Очищение от «питерских».: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0189-6

Аннотация

Сергей Миронович Киров вступил в большевистскую партию на втором году ее существования (в 1904 г.). После революции 1917 г занимал видные посты в партийном и советском руководстве, во время борьбы за власть в верхушке компартии решительно выступил в поддержку И.В. Сталина. С этих пор Киров стал ближайшим соратником Сталина, его «правой рукой». В 1926 году С.М. Киров был назначен Первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Ленинград тогда был опорой оппозиционеров всех мастей – от троцкистов до сторонников Зиновьева и Каменева. Сталин поручил Кирову «поставить под контроль это гнездо внутрипартийной оппозиции, чтобы не дать ей еще раз перейти в атаку на центры партийной власти». Киров справился с этой задачей, однако в 1934 г. был убит при загадочных обстоятельствах. Впоследствии Н. Хрущев

в этом убийстве обвинил самого Сталина, но приведенные в данной книге документы, статьи и выступления С.М. Кирова свидетельствуют о том, что у «питерских» троцкистов и прочих оппозиционеров было гораздо больше оснований для устранения Кирова.

Содержание

Предисловие	5
С. М. Киров. «Все, что путается под ногами, должно быть отброшено!»	15
«У кого нефть, тот и господствует»	15
«С двумя правдами нельзя жить»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Миронович Киров

Очищение от «питерских»

Предисловие

Сергей Миронович Костриков (Киров) родился в городе Уржум Вятской губернии 27 марта (15 марта по старому стилю) 1886 года. В 1894 году Сергей и его сестры остались сиротами – отец ушел на заработки и пропал без вести, а мать умерла. Девочек взяла на воспитание бабушка, а мальчика отдали в приют.

Сергей закончил Уржумское приходское, а затем – городское училище. Во время учебы он неоднократно награждался грамотами и книгами. Осенью 1901 года уехал в Казань, поступил в Казанское механико-техническое промышленное училище. В 1904 году он завершил образование, получив награду первой степени, оказавшись в пятерке лучших выпускников того года. В 1904 году начал работать чертежником в городской управе Томска и учиться на подготовительных курсах Томского технологического института.

В Томске в ноябре 1904 года он вступил в РСДРП, стал профессиональным революционером, вел работу в Иркутске, Новониколаевске, Владикавказе. После революции 1917 года был председателем военно-революционного комитета в

Астрахани, полпредом Советской России в Грузии, Первым секретарем ЦК компартии Азербайджана.

С 1921 года Киров— кандидат в члены, с 1923 года член ЦК РКП(б). В 1924 году, во время борьбы с Троцким и его последователями, решительно выступил в поддержку И.В. Сталина.

В 1926 году С.М. Кирова избирают Первым секретарем Ленинградского губернского комитета (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП (б). В составе группы ЦК И.В. Сталин направил Кирова в Ленинград для борьбы с троцкистской и зиновьевской оппозицией.

Сталин поставил перед Кировым задачу— разгромить гнездо оппозиции, чтобы не дать ей еще раз перейти в атаку на центры партийной власти. Киров с этой задачей блестяще справился, одновременно сделав огромный вклад в промышленное развитие Ленинграда. Вскоре, по предложению И.В. Сталина, С.М. Кирова ввели в состав Политбюро ЦК ВКП(б).

1 декабря 1934 года С.М. Киров был убит. В коридоре Смольного некий Леонид Николаев выстрелил ему в затылок. Делом об убийстве занималась специальная комиссия ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным.

Урна с прахом С.М. Кирова 6 декабря 1934 была помещена в Кремлевской стене на Красной площади в Москве.

На XXII съезде КПСС Хрущев выдвинул версию, что Киров был убит по приказанию Сталина. Эта версия используется и поныне – вот как, например, написано об убийстве С.М. Кирова в школьном учебнике по истории: «Впоследствии было установлено (как того и хотел Сталин), что убийство Кирова организовано неким ленинградским террористом и «троцкистско-зиновьевским центром». Убийство Кирова было использовано Сталиным для расправы с теми, кто ему был неугоден».

Однако вот ответ, полученный из компетентных органов: «Нам неизвестны официальные документы каких-либо следственных или судебных органов, которые опровергали бы материалы судебных процессов, связанных с убийством С.М. Кирова.

Высказанные на XXII съезде Н.С. Хрущевым подозрения, основанные на рассказах отдельных лиц, подтверждения не получили.

В связи с тем, что по этому вопросу прямых обвинений в адрес И.В. Сталина не высказывается, опровергать их нельзя...»

Интересно получается. Клеветать можно – опровергать нельзя! Ну что же, нам придется впервые рассказать о ходе официального судебного расследования. Слово Василию

Федоровичу Алексееву. На тех знаменитых московских процессах был политруком роты охраны. Впоследствии блестяще закончил две академии, аспирантуру. Он до сих пор не может смириться с лживостью реабилитации троцкистов, стучится во все инстанции. Его свидетельские показания засняли многие телекомпании мира. Правда оказалась не нужна лишь в родном Отечестве:

«31 января 1934 г. проходил XVII съезд большевистской партии С.М. Киров выступал на этом съезде. Он разоблачил лидеров право-троцкистского подполья, как «просидевших в обозе». Он высмеял Зиновьева Каменева, Рыкова и т. д. В этой речи Киров произнес такие слова, которые окажутся для него впоследствии роковыми: «Когда-то Троцкий... – тут он запнулся, помолчал и продолжил – Вспоминаешь имя этого человека и сразу нехорошо на душе становится. Будь он трижды проклят, чтобы имя его произносить на наших съездах!»

Троцкий в это о время находился в Осло. В феврале он прочитал в газете речь С.М. Кирова, пришел в бешенство и через связного троцкиста Путну, который был военным атташе в Берлине, дал команду право-троцкистскому подполью в первую очередь убить Кирова. В апреле 1934 года на даче у Зиновьева в Ильинском (под Ленинградом) состоялось совещание при участии Каменева, Зиновьева, Евдокимова, Мрачковского, Бакаева и других троцкистов. На этом совещании обсуждалась практическая сторона убийства С.М.

Кирова.

Стремление троцкистов ликвидировать Кирова было вызвано тем, что Киров разоблачал их постоянно, на каждом съезде. Еще в 1926 году, перейдя на новую позицию, троцкисты свили в Ленинграде гнездо, а «Ленинградскую правду» превратили в свой фракционный орган. Прибыв в Ленинград на работу, Киров уже в 1927 году заявил: «Шлагбаум для троцкистско-зиновьевской оппозиции на дороге в Ленинград закрыт раз и навсегда!»

На совещании в Ильинском троцкисты, разрабатывая план по ликвидации Кирова, создали две террористические группы. В одну из них входил Николаев. Общее руководство этими группами было возложено на Бакаева. Бакаев троцкистско-зиновьевским блоком был определен на пост наркома внутренних дел СССР. Ягода же метил на пост Председателя Совнаркома. Николаев начал подготовку к акции с того, что в своем блокноте расчертил маршрут передвижения Кирова из его дома в Смольный. По первому варианту разрабатывался план убийства на улице, с тем чтобы удобнее скрыться с места преступления. При помощи латвийского консульства Николаев должен был покинуть пределы страны и продолжить за границей борьбу против Советской власти. Второй вариант – убийство якобы из чувства личной мести человеком, доведенным до отчаяния тем, что он никак не может устроиться на работу. Этот вариант предусмотрен на случай, если Николаева застигнут на месте преступ-

ления. Подготавливалось и алиби. Николаев нигде не работал и обращался по вопросу трудоустройства именно в те организации, где его не могли взять на работу. При обращении в различные организации Николаев требовал для себя такие условия, которые не могли быть удовлетворены. Каждый раз на его заявление накладывалась соответствующая резолюция об отказе в приеме на работу из-за невозможности осуществления требуемых условий. Николаев собрал кучу таких заявлений. Эти документы демонстрировались потом на суде».

* * *

В.Ф. Алексеев продолжает: «28 ноября 1934 года закончил свою работу Пленум ЦК ВКП(б), на котором было принято решение с 1 января 1935 года отменить в стране карточную систему на продовольствие. Это решение являлось гигантским событием, величайшим подтверждением торжества социализма, – ведь троцкисты раньше доказывали невозможность построения социализма в одной стране. А тут такие колоссальные успехи. Зиновьев понимал, что Киров в Ленинграде будет делать доклад на собрании партийного актива по этому вопросу и постарается на нем идейно добить троцкистов-зиновьевцев.

28 ноября Киров из квартиры Сталина позвонили Ленинград в Смольный и дал указание назначить собрание партий-

ного актива на 1 декабря на 18 часов по вопросу «О задачах коммунистов по обеспечению отмены карточной системы». Доклад должен был делать сам Киров. Киров вернулся в Ленинград окрыленный и тут же начал готовиться к докладу. И Зиновьев дает команду— не допустить выступления Кирова во Дворце им. Урицкого с тем чтобы обеспечить себе защиту от полного идейного разгрома, то есть убить Кирова именно 1 декабря. Вот почему Николаев заменил план убийства Кирова на улице на план убийства в Смольном за полтора часа до собрания партийного актива.

После убийства Кирова в Ленинград срочно выехали И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов. Современное поколение вряд ли знает то, что в партии и в стране у И.В. Сталина не было более близкого и более родного человека, чем С.М. Киров. Он был фактически членом семьи товарища Сталина. Об отношении тов. Сталина к Кирову свидетельствует его дарственная надпись на книге «О Ленине и ленинизме»: «Другу моему, брату любимому от автора». Тов. Сталин готовил себе заместителем именно Кирова. И вот эта трагедия. Это величайшее, невыносимое горе для Сталина. Он сразу же начал вести на месте расследование. Он не знал, что Ягода дал команду Запорожцу— не мешать совершению террористического акта. У Ягоды был свой повод ненавидеть Кирова. Будучи в Казахстане, Киров столкнулся с варварским отношением органов ГПУ к высланным переселенцам кулацких семей и гневно высказал свое недовольство Ягоде.

Когда Николаев изучал маршрут передвижения Кирова, чекисты задержали его с тетрадью, в которой был расчерчен этот маршрут, и с револьвером. Они доставили Николаева в НКВД и вскоре по требованию Запорожца отпустили. Второй раз он был задержан около Смольного, вблизи автомобиля, в котором приехал Киров. И снова при нем оказались все та же тетрадь с маршрутом и оружие. Запорожец вновь освободил Николаева. Когда начали вести следствие, встала необходимость вызвать на допрос именно тех чекистов, которые задерживали Николаева. Понятно, Ягода не мог допустить, чтобы они были допрошены, ликвидировав их через преднамеренную аварию».

* * *

Добавим к этому рассказу, что Сталин, видя подозрительное поведение Ягоды, дал команду опечатать все архивы НКВД и только после этого объявил ему о перемещении на пост наркома связи СССР. Предчувствия не обманули – в комнате отдыха Ягоды, из его личного сейфа, был изъят секретный архив Рыкова и Бухарина, содержащий списочный состав подпольной организации правых, с соответствующими документами на его членов.

В этом же сейфе находились личные дела из архивов царской охранки на провокаторов Зубарева, Зеленского, Иванова и др. Зубарев – председатель Центросоюза СССР, Зе-

ленский – секретарь московского комитета партии, Иванов – Северо-Кавказского крайкома партии.

Кстати, на Северном Кавказе троцкисты действовали особенно активно. С 1934 по 1938 год первым секретарем Северо-Кавказского, затем по мере реорганизации, Азово-Черноморского крайкома и, наконец, Ростовского обкома партии был Евдокимов, ярый троцкист. За 1937–1938 гг. было расстреляно 12 445 человек, более 90 тысяч репрессировано. Именно такие цифры высечены обществом «Мемориал» в одном из ростовских парков на памятнике жертвам... сталинских (!?) репрессий.

Впоследствии проверкой было установлено, что в Ростовской области лежало без движения и не было рассмотрено более 2,5 тысячи апелляций. А сколько их было не написано! Уничтожались лучшие партийные кадры опытные хозяйственники, интеллигенция...

Похоже, что Арон Симанович (личный секретарь Григория Распутина), правильно записал слова Троцкого:

«Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока... Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами... Мы укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени».

Вот на пути этих людоедских планов и встал Сталин. И

его можно винить лишь в одном – почему он терпел эту кровавую оппозицию, не расправившись с ней раньше.

Александр Шабалов

С. М. Киров. «Все, что путается под ногами, должно быть отброшено!»

«У кого нефть, тот и господствует»

(Из речи С.М. Кирова на XIV съезде ВКП(б) 22 декабря 1925 года)

Товарищи! Мы «преем» здесь в течение уже четырех дней, и я думаю, что тут произошло то, что чрезвычайно прискорбно излагать. Здесь нам вчера тов. Бадаев подробно рассказывал о заслугах Ленинградской организации. Кто же в этом, сомневается?..

Дело не в этом, товарищи, а дело в том, что на вас оправдалась пословица, что «на всякого мудреца довольно простоты». Вы попали в такой переплет, из которого вам сейчас выбраться будет чрезвычайно затруднительно. При всем своем огромном авторитете, при всех ваших огромных заслугах, вы забрались в угол, в котором вам чрезвычайно тесно. Вот почему и получилась та осложненная обстановка, которая у нас есть...

Вот уже начинают поступать газетки из-за рубежа. И

вы можете видеть статейки под заголовком «Питер против Москвы». Это пока что в газетке «Дни». Потом пойдет и в других, пойдет немножко дальше. Я не знаю, в какой степени подобного рода писания могут укрепить авторитет Коминтерна. Я не знаю, в какой степени поднявшаяся там агитация может упрочить наше советское правительство. Я не знаю, каким еще большим авторитетом будет пользоваться наша коммунистическая партия среди иностранных коммунистических партий – та партия, которая по заслугам считается самой настоящей, самой непоколебимой твердыней ленинизма...

Вот для того, чтобы нам возможно скорее ограничить все последствия, которые совершенно неизбежны, чтобы нам возможно скорее прекратить ту небывалую до сих пор в партии лихорадку, которая, несомненно, треплет сейчас всю нашу партию, – а когда все это разольется по ручейкам ячеек нашей огромной, миллионной партии, все это, несомненно, будет звучать еще громче, – вот чтобы этого не было, надо сказать товарищам, забравшимся в уголок: выходите, товарищи, из этого уголка. Не здесь вы найдете ленинскую правду и те ключи, которые мы должны найти для того, чтобы открыть новые замки для нашей дальнейшей работы. Выйдите вот сюда, товарищи. Здесь, в этом зале, где заседают представители всей нашей коммунистической партии, мы действительно единодушно разрешим все те вопросы, которые стоят перед нами, и прекратим то, что делается в первой советской

столице, на родине коммунистической партии, в Ленинграде.

Вы видите, какая агитация, какая огромная борьба происходит сейчас там, в Ленинграде, в тот момент, когда – как вы сами говорите – перед нашей партией стоят жизненные задачи, которые надо решать возможно яснее и отчетливее. На другой день после открытия нашего съезда в «Ленинградской Правде» была помещена передовица «Борьба за нефть». Благодарим вас. Верно товарищ Сталин сказал, что у кого нефть, тот и господствует. Но если дело на то пошло, мы бы у себя в Баку с большим правом могли написать такую статью «Борьба за нефть», но вам, претендующим на первенство в партии, нужно открывать номер, посвященный съезду, первой страницей действительной борьбы за наши основные идеи, за единство нашей партии. (*Возглас с места: «Зарвавшиеся оппозиционеры».*)

На второй день открытия съезда, не знаю, какие еще были статьи в вашей газете, но во всяком случае я рекомендую вам очень внимательно посмотреть за тем, что делается в Ленинграде. Кроме «Борьбы за нефть», что мы читаем в вашей газете? (*Возглас со стороны ленинградской делегации: «Это неверно».*) Что у вас не были известны статьи Вардина? Это тоже неверно? Нет, товарищи, это верно. Единственный выход из создавшегося действительно трудного положения, – если вы действительно собираетесь и впредь играть ту роль, которую вы играли в жизни партии и в жизни нашей стра-

ны, – один: надо помочь товарищам ленинградцам выбраться из этого тесного уголка, в который они забрались.

«С двумя правдами нельзя жить»

(Из доклада и заключительного слова СМ. Кирова на объединенном собрании партколлективов заводов «Красный гвоздильщик» и «Электроаппарат» 12 января 1926 года)

Товарищи! Вы все знаете, в какой обстановке протекал наш съезд. Вы все знаете, что XIV съезд нашей партии занял в истории нашей работы совершенно исключительное место. «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, – вот в чем суть, основа нашей генеральной линии» – так сформулировал на съезде товарищ Сталин центральную задачу партии.

Съезд единодушно резко осудил ликвидаторскую, пораженческую линию «новой оппозиции». «Историческое значение XIV съезда ВКП состоит в том, что он сумел вскрыть до корней ошибки новой оппозиции, отбросил прочь ее неверие и хныканье, ясно и четко наметил путь дальнейшей борьбы за социализм, дал партии перспективу победы и вооружил тем самым пролетариат несокрушимой верой в победу социалистического строительства» (Сталин).

Вы все помните, какая лихорадка трепала нашу партию, когда у нас развернулась так называемая троцкистская дискуссия. Вы помните, что мы дружными рядами навалились

на троцкистов, и мы их, как принято говорить, в короткий период положили на обе лопатки. Хотя мы имели от дискуссии некоторые положительные результаты, но несомненно нам слишком дорого обошлась эта лихорадка, которая сильно тормозила работу. Мы прекрасно понимали, что развертывание дискуссий среди всей партии – это очень обременительное дело, это – как принято теперь говорить – очень дорогой накладной расход в жизни нашей коммунистической партии.

Так или иначе, но разногласия и на этот раз непрестанно возрастали, и все более вели к тому, что у нас в партии постепенно начинали складываться определенные течения, которые по ряду вопросов расходились с общей линией большинства ЦК нашей партии.

Взять хотя бы самый близкий для нашей партийной работы вопрос – это вопрос о пополнении состава партии. Наша партия обсуждение этого вопроса развернула широко на съезде; по этому вопросу была кратковременная дискуссия и до съезда. Вы помните, что в известных кругах нашей партии был выдвинут вопрос о максимальном вовлечении рабочих от станка в ряды нашей партии. Вы знаете, что одно время шел разговор о том, чтобы в состав нашей партии входило 90 % рабочих от станка. Вы знаете также, как понемногу, постепенно эти 90 % начинали сбавляться, и к концу нашей полемики, наших споров по этому поводу мы слышали уже разговоры о необходимости ограничиться 50–60 процента-

ми. Большинство ЦК, как и большинство съезда, – о чем вы уже вероятно знаете, – подтвердило решение XIII съезда нашей партии и всех вообще партийных съездов и стояло на той точке зрения, что надо давать всяческие преимущества, надо всемерно стремиться к тому, чтобы вовлекать рабочих от станка, так как это имеет колоссальное, почти решающее значение в жизни партии. Мы прекрасно понимаем, что основу нашей партии должны составлять рабочие, но дело в том, можно ли в этом отношении так увлекаться, как увлекались некоторые товарищи, требуя, чтобы у нас к XV съезду число членов партии от станка достигало 80–85 %. Если вы прикинете в уме эти цифры, если вы примете во внимание, что между XIV и XV съездами должно пройти полтора-два года, то окажется, что мы должны будем вовлечь в партию новый миллион людей. Но тут дело не в миллионах, а в невозможности физически осуществить в действительности эти с внешней стороны заманчивые перспективы.

Второй вопрос, который занял определенное место на съезде, – это вопрос о нашем комсомоле.

Самой лучшей, самой надежной, самой революционной школой для нашего подрастающего поколения является комсомол. В этом нет никакого сомнения.

И вот, в связи с работой в деревне, в связи с вопросом о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства, у нас возник вопрос и о воспитании подрастающего поколения в деревне.

Появились товарищи, которые внесли предложение организовать вокруг комсомола делегатские собрания из крестьянской молодежи, напоминающие те, которые организованы среди женщин. Почему ЦК нашей партии протестовал самым решительным образом против этого? Мы знаем, товарищи, что было бы, конечно, полезно овладеть настроениями молодежи в деревне, но тут надо соблюсти чрезвычайную аккуратность и действовать чрезвычайно осмотрительно, – в этом нет никакого сомнения. Представьте себе, что мы встали бы на точку зрения организации делегатских собраний, – что бы это значило? Это прежде всего значило бы то, что мы даем из своих рук тем элементам, которые не могут быть вовлечены в комсомольские ряды, легальную форму для их организации. И в первый же момент, как только мы не сумели бы обслужить их, они несомненно в организованном виде вырвались бы из-под нашего влияния, и мы бы помогли в деревне оформлению тех нежелательных процессов, которые там уже имеются. Поэтому-то ЦК поступал совершенно правильно, когда говорил, что такого рода организации допускать нельзя.

* * *

Следующий вопрос, занявший очень большое место у нас на съезде и о котором мы много говорили и до съезда, – это чрезвычайно острый вопрос не только теоретического харак-

тера, но вопрос, имеющий громадное практическое значение: это вопрос о возможности строительства социализма в одной стране, причем в такой стране, как наша, стране по преимуществу крестьянской, стране во всех отношениях отсталой, стране, которая далеко еще не изжила наследия всякого варварства, оставшегося от старого режима. Давайте, товарищи, разберемся в этом вопросе. Худо-плохо ли, но как будто бы и не плохо, мы существуем восемь лет. Нам удалось укрепить свое внутреннее и внешнее положение, и сейчас наше государство не только не уступает, но даже превосходит старое буржуазно-помещичье государство, и можно смело сказать, что если есть сейчас самое устойчивое и самое несменяемое правительство в мире, то это, конечно, советское правительство. Об этом говорят и наши враги.

Восемь лет мы работаем, восемь лет так или иначе строим государство— и вдруг возникает только теперь так остро вопрос о возможности строительства социализма в одной стране.

Казалось бы, что этому вопросу было место восемь лет тому назад, т. е. в то время, когда мы только начали осуществлять вооруженной рукой социалистическую революцию. Казалось бы, что тогда, когда мы разбивали оковы капиталистического строя и нужно было завоевать победу, именно тогда перед нами стоял вопрос, что делать дальше, вставал вопрос о том, как после победы над врагом мы будем строить социалистическое государство. Но ведь теперь ничего случайно-

го и неожиданного нет... Был период времени, когда мы были заняты работой почти чисто военного порядка, когда нам приходилось отстаивать диктатуру с оружием в руках, и тогда, конечно, нам некогда было думать о том, из каких кирпичиков мы будем складывать наше государство, тогда наша задача была отчетлива и проста – отстоять Физическое существование нашего государства. Но теперь, когда мы получили возможность по-настоящему в мирной обстановке создавать наше социалистическое отечество, когда мы налицо имеем определенные реальные итоги нашей работы, о которой я говорил вначале, естественно, что стал возникать вопрос: можем ли мы построить социализм в нашей стране при тех условиях, которые создались?

Вам, конечно, всем известно, что у нас произошла историческая неприятность, которая заключается в том, что многие из нас в первоначальный период нашей революции были убеждены в том, что западноевропейский пролетариат вовремя сумеет сделать то, что у нас уже сделано, и что наша революция получит поддержку со стороны пролетариев Западной Европы.

Но этого не случилось, и как будто нет такого человека, который мог бы утверждать, что это случится скоро; к сожалению, никто из нас этого сказать не может, и мы живем по-прежнему в капиталистическом окружении, создавая государство на новых началах. Естественно, что на рубеже 1926 года вопрос о возможности строительства социализма встал

перед нами реально и из области теоретической перешел в практическую, и здесь-то вот оказались в партии, в некоторых кругах ее, мнения далеко не твердые. Есть товарищи, которые весьма основательно сомневаются в возможности успешной работы в этом отношении.

Речь идет о том, можем ли мы, несмотря на всяческое недоброжелательство по отношению к нам окружающих нас стран, несмотря на все внутренние затруднения, несмотря на наши определенные взаимоотношения с капиталистическими странами, можем ли мы все-таки строить социалистическое государство, или мы мало-помалу, помаленьку-потихоньку с этих социалистических рельсов скатимся? Сегодня уступим здесь, завтра там и т. д. и так незаметно перейдем на рельсы буржуазного государства.

Все наши враги, и особенно наиболее сильные, предвещают нам, что если нам империалисты не свернут шею непосредственно, то мы помаленьку переродимся, что наше современное общество отравляется теми капиталистическими элементами, благодаря которым мы незаметно станем такой страной, которая ничем не будет отличаться от буржуазных стран, нас окружающих. Но мы думаем, – как прежде это доказывали, так и теперь, – что несмотря на паническое карканье, несмотря на целый ряд сомнений, которые существуют и в наших рядах, мы это социалистическое строительство вели и будем вести совершенно успешно, если только не потеряем компаса, а я думаю, что мы не должны терять тот компас,

который оставил нам товарищ Ленин. Мы будем разрешать эти задачи успешно и в дальнейшем.

* * *

Товарищи, отсюда вытекает и другой вопрос, который тесно с этим связан. Вот сейчас, в теперешних условиях строительства, когда мы так успешно строим социализм, где та основа, которая заложена в нашей работе? Мы прежде всего останавливаем свое внимание на нашей государственной промышленности. Вот наша основа в социальном смысле, в классовом смысле. Здесь мы имеем опору нашей диктатуры, основу всего нашего рабочего государства. Промышленность является главным основанием, на котором мы строим наше социалистическое хозяйство, и именно поэтому все предприятия, которые находятся в руках рабочего класса: наши фабрики, заводы, железные дороги и прочее и прочее – это такого рода предприятия, которые являются последовательно социалистическими. Что это значит? Это значит, что если посмотреть на фабрики, заводы и железные дороги, то здесь мы, правда, увидим и сдельщину и спецов, но всякий рабочий понимает, что мы имеем такие предприятия, такие организации, которые и по внешности обращаются все больше и больше в социалистические, – в этом, товарищи, нет никакого сомнения. Дело не в оплате, а во взаимоотношениях директора фабрики и рабочих. Дело заклю-

чается в том, кто является хозяином этих предприятий. Если хоть на минуту представить, что хозяином, предположим, нашего Гвоздильного завода является капиталист, то разве с таким успехом проводились бы у нас кампании по повышению производительности труда? Если мы поставим так вопрос и посмотрим, как в действительности дело обстоит, то всякий увидит, что у нас хозяином фабрик и заводов является сам рабочий. Правда, большинство рабочих живут еще плохо, недостаточно обеспечены в смысле заработка и всего прочего. Но это происходит не оттого, что наши фабрики или заводы не социалистического типа, а оттого, что мы вообще бедны.

Ведь никто, товарищи, никогда не писал, что как только революция совершилась, как только рабочий класс захватил власть в свои руки, — беднякам станет в сто раз лучше. Если почитать, товарищи, как в средние века зарождался капитализм, как насаждались капиталистические предприятия, то мы увидим, что родоначальники Ротшильдов, Нобелей и пр. вначале были бедноваты, но потом богатства их накапливались, т. е., как говорит буржуазия, росло национальное богатство в рамках капиталистического общества. То же самое происходит и в нашем государстве, но может быть даже при худших условиях, потому что прежде чем захватить все в свои руки, нам пришлось разрушить половину того, что досталось нам от капиталистов. Нам пришлось разрушить целый ряд предприятий, железных дорог.

И что же получилось? Вчера я работал у капиталиста, но железные дороги были исправны, и капиталист мне платил 80 целковых, сегодня же захватили дороги, но вышло так, что мы половину разрушили, подвижной состав истрепался, и в результате получилось так, что вчера я получал 80 целковых, сегодня я могу с трудом выработать только четвертной билет. Но это не потому, что наше государство не социалистического типа, а потому, что мы находимся в полосе громадной нужды, громадной бедности. Мы сейчас считаем большим достижением в области нашей промышленности то, что производство крупной промышленности равняется 95 % довоенного уровня. Значит, нет еще того, что мы имели при капитализме. При таких условиях ставить вопрос, чтобы обездоленным людям сразу же стало лучше во много раз, чем раньше, не приходится. Но по существу наши фабрики, заводы и железные дороги, конечно, являются предприятиями, находящимися в руках рабочего класса, и следовательно все, что мы отсюда получаем, за вычетом зарплаты, все это идет на улучшение нашего положения, и хозяевами, конечно, являемся мы.

Если бы мы на минутку усомнились в том, что фабрики наши, да разве стали бы мы разными производственными заниматься? Да ни один из вас не стал бы этого делать и не понял бы необходимости этой работы. Но наша повседневная работа в этом отношении является показателем того, что мы действительно работаем на социализм, и только

поэтому нам удастся заставлять просыпаться энергию, которая немислима ни при каком ином строе.

* * *

Следующий вопрос, который занял очень большое место, это вопрос о новой экономической политике. Вы все знаете, что этот вопрос не новый; мы уже несколько лет проводим нэп и как будто бы небезуспешно. Вы, конечно, прекрасно понимаете, что, вводя нэп, мы рассчитывали укрепить смычку между городом и деревней и оживить товарооборот и пр., но мы знали также, что на почве этого будут происходить и отрицательные явления. Каждый отлично понимает, что если допускается свободный товарооборот между городом и деревней, то ясно, что на этой почве будут вырастать так называемые нэпманы. И чем больше развивается наша хозяйственная жизнь, тем больше это бьет нам в глаза. Здесь нашей партии пришлось вернуться к вопросу о том, что такое нэп. Мы стали читать в нашей литературе и слышать от отдельных товарищей возгласы, что нэп представляет собой отступление от тех основ, которые мы в свое время заложили.

Вы помните, что ускорило введение нэпа при Владимире Ильиче, вы помните, что изнутри страны в двери нашего государства постучались очень тревожные события, и это значительно ускорило введение нэпа. Товарищ

Ленин указывал на то, что придется отступить от методов военного коммунизма и перейти к новым приемам управления, причем товарищ Ленин говорил, что сейчас надо отступить, а потом разбежаться и шагнуть намного дальше. Теперь, когда особенно отчетливо стали выявляться отрицательные стороны нэпа, товарищи перестали усматривать всю его сложность. Если товарищ Ленин вначале иногда говорил, что нэп есть отступление, то во всяком случае отступлением понятие нэпа не исчерпывается, и убедиться в этом очень легко. Не нужно вдаваться в длинные теоретические рассуждения, но надо просто посмотреть, что мы представляли собой четыре года тому назад и что мы представляем сейчас. Если нэп – только отступление, то тогда за эти четыре года мы должны были бы удалиться от наших социалистических стремлений, так как мы, следовательно, подряд четыре года непрерывно отступаем. Но это неверно. Сейчас, когда мы взвешиваем всю сумму наших хозяйственных успехов, мы должны сказать, что социалистические элементы в нашей стране растут значительно быстрее, чем элементы капиталистические. Если будут возражать нам, то с цифрами в руках мы это докажем. Если посмотреть, что из себя представляли элементы социализма четыре года тому назад и что они представляют теперь, – всякий скажет, что теперь их гораздо больше, растут они быстрее, чем элементы госкапиталистические и вообще капиталистические.

Посмотрим, чем была четыре года тому назад наша про-

мышленность, эта основа нашего социалистического строительства. Она хромала на все ноги.

Весь наш транспорт был сплошной трясушкой. Сейчас же мы имеем настоящие фабрики, настоящие заводы, на коих постепенно все налаживается. Если мы возьмем торговлю, посмотрим, как идет торговля государственная, кооперативная и частная, то мы увидим, что, правда, нам еще и сейчас приходится учиться торговать, но несмотря на внешнюю видимость роста частного капитала в области государственной и кооперативной торговли у нас имеются большие достижения и успехи. О чем это говорит? Это говорит о том, что хотя, посмотрев на рожу нэпмана, плюнуть хочется, но все-таки мы его горла из рук не выпускаем, мы не даем капитализму распухнуть. Некоторые говорят, что, сидя в тени, он постепенно разбухнет. Это неверно, а вместе с этим неверно и то мнение, что нэп есть только отступление. Нэп есть перестройка наших рядов, перестройка нашей артиллерии – как легкой, так и тяжелой.

К сожалению, не все товарищи представляют себе это так, как я говорю: они относятся к этому вопросу с некоторым скептицизмом, поэтому они, например, выдвигали лозунг об участии рабочих в прибылях. Этот лозунг стоит в самой непосредственной связи со всем тем, что я говорил. Если у нас по части социалистического строительства не совсем гладко, если у нас что-нибудь не клеится, то встает вопрос, как нам рабочий класс привязать к нашему хозяйству, к на-

шим фабрикам и заводам. Отсюда, естественно, некоторые выдвигают предложение привлечь рабочих участием в прибылях. Среди известных групп рабочих этот лозунг может стать популярным, но практическое значение лозунга обратное. Всякий понимает, что если завтра осуществить этот лозунг, то ни о каком социализме мечтать не придется. Это значит, что весь доход мы будем разбирать по карманам, так как чем больше зарабатывал бы завод, тем больше и раздавалось бы рабочим. Эта политика привела бы к тому, что рабочие, изготавливающие разную «хурду-мурду», получали бы больше, чем, скажем, рабочие-металлисты, потому что первые изготавливают самый ходкий товар, а машины пока делают, пока заплатят, да еще не деньгами, а какими-ни-будь облигациями, рабочие с голоду умрут. Мы вовремя остановили эту затею, так как если бы мы ввели участие в прибылях, мы этим самым показали бы рабочим, что они работают на какого-то хозяина, а не сами на себя, поэтому-то, мол, мы их и заинтересовываем.

Отсюда вытекает и дальнейший лозунг, что якобы этим самым моментом участия рабочих в прибылях мы их поставим ближе к государству. Лозунг этот – тоже совершенно неправильный, так как он наводит на сомнения, на размышления о том, что якобы до сих пор рабочие далеко стояли от государства, от власти. Я докладывал, что у нас диктатура рабочего класса и ничья больше, и ни с кем этой диктатуры рабочий класс не разделяет. Если же лозунг о приближении

рабочих к государству признать правильным, то мы должны будем признать, что у нас диктатура и авторитет принадлежат не рабочим, а, скажем, крестьянству.

* * *

Теперь последний вопрос— о крестьянстве. Вопрос чрезвычайно большой и сложный, и вот почему. Вы помните слова нашего незабываемого Владимира Ильича, который указывал, что десять-двадцать лет правильных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством, и победа наша обеспечена в мировом масштабе. И это, товарищи, верно. Не кто как товарищ Ленин изучил и указал нам, каким образом можно построить социалистическое государство в одной стране, да еще в стране по преимуществу крестьянской. Я не буду рассказывать историю этого вопроса, хотя она очень интересна. Этот вопрос обсуждался еще задолго до съезда, об этом вы много слышали и читали, и вам об этом говорили. Вы знаете, что с развитием нэпа в деревенской жизни должны были расти известного рода новые процессы. Производительные силы в деревне стали развиваться и развиваться таким образом, что известные слои крестьянства на этом деле выигрывают, а другие проигрывают. Мы допустили в деревне наемный труд, чего раньше не было.

Всякий понимает, что если разрешают наемный труд, то в деревне усиливается расслоение.

Вы знаете основные силы, которые имеются в деревне, вы знаете, что наш ближайший друг в деревне – это бедняк, следующий – середняк, а дальше идет элемент, который не сродни нам, не двоюродный, не троюродный – это кулак. К великому сожалению, надо сказать, что вокруг этого вопроса произошла громадная путаница. У нас на XIV конференции и пленуме нашлись товарищи, которые, правда, не бог весть какую роль в партии играют, и товарищи из молодых (не буду говорить, что ранние), готовящие себя на какую-то ученую степень, которые изобразили такую картину, будто есть группа кулаков, которые успешно вырастают в социализм. Если бы это было так просто, что сегодня он кулак, а завтра через кооперацию он в социализм прыгнул, и что вдруг пролетарий с кулаком под ручку отправляются в царство небесное! Но стоит только себе представить эту картину, чтобы понять, что по дороге, конечно, они друг другу морду набьют. *(Смех.)*

О чем это говорит, товарищи? О том, что действительно в партии были такие уклоны (их принято называть уклонами), но им не дали возможности произрастать благополучно, и конечно таких товарищей надо было заставить и их заставили замолчать. Совершенно ясно, что чем больше будет увеличиваться деревенское богатство, тем больше будет расти кулак, но можно ли сказать, что у нас кулак всюду, куда ни плюнь, что он и совет захватил и на партию сел. А надо сказать, что такие настроения были, может быть есть и теперь, особенно в связи с отдельными нашими неудачами в

деревне, например с хлебозаготовками. И вот говорят, что бедняк при нашем бюрократизме забыт. Все это создало настроение, что кулак вырос необычайно; вокруг кулака поднялась паника, и появился другой уклон, не менее опасный, чем первый. Если плохо и вредно изображение кулака христосиком, то плохо и то, когда начинают рассматривать деревню таким образом: здесь кулак, здесь бедняк, а посередине какое-то эфемерное создание. Получилось, что середняк потерялся. Появилось рассуждение, что бедняк – это совершенно резко отдельная категория, кулак тоже, а посередине какой-то кисель. И чем дальше это мнение углубляется, то выходит так, что жизнь деревни идет не по трем руслам – бедняк, середняк и кулак, а только по двум – бедняк и кулак. Этот уклон чрезвычайно, опасный. Мы прекрасно понимаем, что наш ближайший друг и сосед в деревне – это бедняк, которого мы должны всячески в настоящей стадии нашего социалистического строительства взять под свою опеку (так нас учил Ленин), но надо учесть и то, что середняки являются в деревне подавляющим большинством, это основная группа деревни в количественном отношении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.